

Московское благочестие и евангельско-реформационные движения в Московском государстве XIV — XV веков

Каретникова М. С. Русское богоискательство

К XIV веку языческая Русь превратилась в «святую Русь» с новым центром — Москвой. Немалую роль в этом сыграли трагические для Руси нашествия кочевых народов, которые получили в нашей истории название «монголо-татарского ига» и продолжались почти 250 лет, с 1237 по 1480 годы. Именно эту эпоху мы сейчас и будем рассматривать, причем преимущественно с точки зрения судьбы христианства на Руси.

250 лет распространения христианства в Киевской Руси не сделали ее христианской! Мы уже упоминали о том, с какой радостью и благоговением приняли евангельское учение некоторые великие князья и священнослужители, а также монахи, но народ в массе своей оставался языческим, таким он и был к моменту нашествия половцев, а позднее — хана Батыея, о чем свидетельствуют литературные памятники той эпохи, полные языческой символики, особенно «Слово о полку Игореве». Ничего подобного мы уже не встретим в памятниках Московской Руси. Нашествие кочевых орд, сопровождавшееся ужасом осады Рязани, Владимира, опустошением, грабежом, захватом пленников, было воспринято церковью однозначно: это наказание Божие за язычество.

Христианство стало объединительной идеей, и Русь, пережив экономическое разорение, не пережила ни духовного, ни государственного расстройств. Напротив, именно во время монголо-татарского ига сформировалась на смену Киевской Руси Русь Московская, с которой связаны понятия «святой Руси» и «московского благочестия». Импульс тому и другому был дан подвижником русской церкви Сергием Радонежским, настоятелем Троицкого монастыря. Если для выдающихся христианских подвижников Киевской Руси были характерны любовь к Евангелию и христианской литературе, глубокое богословское размышление и стремление к жизни по Писанию, то для Московской Руси и ее подвижников характерны культ дел, имеющих значение для спасения, всепроникающего обряда, имеющего магическое значение, и внутреннее самоуглубление, открывающего путь к истине.

Все эти черты ярко выразились в личности Сергия Радонежского, который искал уединения, но незаметно для себя оказался вскоре в центре большого города, потому что уже тогда русский человек предпочитал не святость иметь, а святым поклоняться и около них селиться, чтобы Божье благоволение к святому попало бы и на их огороды и уголья. Чем ужаснее казалось нашествие, тем тщательнее русские люди стремились соблюдать обряды, посты, следовать установлениям церкви, которая приобретала все большую власть над их душами.

Московское благочестие — насквозь обрядовое. Обряд в церкви и обряд в доме, обрядовое чаепитие, обрядовое хождение в баню — все приобретало

религиозное значение. А для святых подвижников обрядом стало изнурение плоти — трудом ли, постом или бдением. Религиозное значение приобретали и расширение границ Московского государства, и борьба за освобождение от татарского ига. Наряду с Москвой был и другой, более старинный и более культурный центр — Новгород, очень сильно отличавшийся от Москвы.

Новгород стал вольным городом с 1136 года, отделившись от Киева; он не пострадал ни от нашествий, ни от пожаров благодаря мудрой политике новгородского князя Александра Невского: Невский боролся со шведами и немцами, но дружил с татарами! Он не только исправно платил им дань, но даже предложил и с других князей ее собирать для татарского хана. Поэтому Новгород не горел и в нем сохранилась богатая библиотека христианской литературы; в Новгороде грамоту знали не только князья и бояре, но и простые люди, там существовало подобие самоуправления — вече; Новгород имел оживленную торговлю с Европой и Прибалтикой, связи с Литвой и Польшей. Его называли Господин Великий Новгород.

И вот именно здесь, в Новгороде, в 1370-е годы возникло первое евангельское движение, начавшееся в среде низшего, но весьма образованного духовенства в знак протеста против «поставления пастырей на мзде». Псковские дьяконы Никита и Карп за этот грех отринули церковную иерархию: если священник купил свое положение за деньги, то какой же смысл во всех совершаемых им таинствах? Никита и Карп нашли себе единомышленников во Пскове и в Новгороде, они призывали пересмотреть все установления православной церкви с точки зрения Евангелия и вернуться к первохристианству. Они утверждали, что право проповеди принадлежит тем христианам, которые имеют на это дар от Бога и являются людьми нравственными и нестяжательными. И такие проповедники появились: они проповедовали в обоих городах «на распутиях и ширинах градных», т.е. на перекрестках и площадях, под открытым небом. У них было и «книжное учение», т.е. свои богословские труды, и среди них было много «книжных» людей, т.е. образованных, хорошо знающих Писание. Вероятно, они организовывали свои общины, потому что есть упоминания, что при наступлении гонений они собирались в лесах. Этих людей прозвали «стригольниками», и под этим названием они вошли в историю. О значении такого прозвища можно строить разные догадки, но ясно одно: это были первые «духовные христиане» на Руси, их идеи так и будут переходить от поколения к поколению до самого XX века и окажут свое влияние даже на современных евангельских христиан.

Стригольники выступили против установившегося на Руси «обрядоверия», магизма обрядности, когда весь ее смысл состоял именно в ее непонятности, лишая человека способности думать о духовной жизни и искать действительного спасения от греха и гибели. Стригольники подчеркивали духовный смысл всех церковных таинств, раскрывая значение христианской веры в изменении жизни христианина. Их пастыри отличались высокой нравственностью, были красноречивы, бескорыстны и основывали свои взгляды на Писании. Сведения о них мы имеем весьма скудные, а влияние на

всю историю евангельского движения чрезвычайно велико!

Их идеи живы и по сей день: отрицание церковной иерархии, обрядоверия, церковного стяжательства, т.е. всего того церковного устройства, которое было к нам перенесено из Византии. Стригольники утверждали евангельскую роль пастыря, нравственность христианской жизни и спасение по вере в Невидимого Бога, а не через обряд, призывая покаяться перед Богом, исповедоваться перед Ним, молиться Ему, т.е. иметь непосредственную связь с Творцом и Спасителем.

В 1375 году из Константинополя прибыл посланник от константинопольского патриарха Нила с грамотой против «еретиков-стригольников», в помощь местному архиепископу Алексею. В 1376 году Карп и Никита вместе с тремя ближайшими сподвижниками были казнены — утоплены в реке Волхов. Все их «книжное учение» было истреблено, и казалось, со стригольниками покончено навсегда. Но через пятьдесят лет это движение возникло снова, причем в таких масштабах, что, по словам летописца, при расправе с ними «река не могла нести воды свои из-за обилия сброшенных с Волховского моста» стригольников. Движение стригольников еще ждет своих исследователей, которые смогли бы внимательно и любовно рассказать его историю, потому что оно самобытно и очень показательно для характеристики духовного состояния русского народа, о котором внешний наблюдатель может сказать только: «В духовной жизни России ничего не происходит. Там обрядовая спячка». На самом же деле происходит многое, только не на официальном уровне!

Ко времени правления первого московского царя Ивана III Московское государство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы расправиться с вечным соперником — Новгородом, который к тому же сильно тяготел к Литве. В наших учебниках это событие называлось «присоединением Новгорода». В 1478 году состоялась карательная экспедиция с казнями мятежной верхушки, переселениями жителей в другие места, и колокол был снят с вечевой башни и перевезен в Москву.

Для наведения благочестия в Новгород был послан архиепископ Геннадий, человек сильный, решительный, богатый и уверенный в себе. Новгородские вольнодумцы его не признавали: московские иерархи вообще себя плохо чувствовали в Новгороде — у Новгорода были древние религиозные корни, как и у Киева; он сохранил свою богатую библиотеку, в нем сильно было чувство независимости, потому что не было того ужаса перед татарами, который отравил кровь многих поколений русичей.

Кроме того, даже новгородское православие имело свои особенности, своих угодников. Новгородская образованность породила вольнодумство. Московские начетчики не выдерживали диспутов с новгородцами. Так, чернец Захарий (настоятель одного из псковских монастырей) вышел на диспут с самим архиепископом Геннадием. За чернцом стоял поддерживающий его Псков! Захарий, отстаивая библейские взгляды на роль пастырей и критикуя церковную иерархию, ссылался на те книги Библии, которые Геннадию были неизвестны, потому что Библия в России еще не была собрана воедино и

существовала в виде отдельных книг. Геннадий назвал Захария стригольником и потребовал его осуждения на соборе. Но Захарий ярко и убедительно защищался и там. Обвиняя иерархическое духовенство в безнравственности, он ссылался на Моисеевы десять заповедей, обязательные для исполнения. За это его и сочувствующих ему прозвали «жидовствующими», ведь они ссылались на Ветхий Завет! Геннадий обвинил их еще и в «богомильстве». Собственно, собор был затеян, чтобы осудить «еретиков», а не дискутировать с ними; Геннадий напутствовал: «Таки бы о вере никаких речей с ними не плодили, токмо для того учинити собор, что их казнити — жечи да вешати».

Захария с его сторонниками казнили в 1487 — 1488 годах, предварительно подвергнув пыткам, чтобы узнать их единомышленников. Некоторые показали на дьяка самого Ивана III — Федора Курицына! Дьяк при царе — это высокое положение, что-то вроде министра иностранных дел, он ведал перепиской царя. Федор Курицын был мыслящий и образованный человек, богослов, написавший в зашифрованном виде послание, известное под названием «Лаодикийского». Возможно, он хотел этим указать на духовное сходство состояния русской церкви и той остывшей церкви, о которой говорится в Новом Завете, в Откровении.

Московское евангельское движение (а это было именно движение, захватившее широкие круги населения, даже сноха Ивана III — Елена Вольшанка принимала в нем участие) имело иные корни, иное направление, чем новгородское, но их намеренно объединили уничижительным названием «жидовствующих». Между тем это была, может быть, самая сильная попытка изменить существующее состояние православной церкви, повернуть ее к евангельскому богословию и к духовным нуждам народа. И надежды эти не были эфемерными. Это было время эсхатологического ожидания — ожидания конца света в 1491 году.

«Ныне же и в домах, и на путях, и на торжищах иноци и мирстии, и вси сомняться, вси о вере пытаются, и не от пророков... но от "еретиков"... и от проклятых на соборе», — так писал Иосиф Волоцкий, настоятель Волоколамского монастыря, человек больших возможностей, ученый с железной волей. Вскоре он стал религиозным лидером. Новгородский архиепископ Геннадий пригласил его на помощь в борьбе с набирающим силу московско-новгородским реформационным движением.

Характерные черты этого движения — критика церковного предания и уверенность в том, что в вере нужно основываться на Писании, а не на предании, выступления против монашества и утверждение религии без посредников между Богом и человеком, а также призыв обратиться от церковной традиции к первоначальному пророчеству, т.е. «откровению», как его называл Федор Курицын, считая его основным источником веры. Он писал о научающем пророчестве: «Наука преблагенна есть. Ею приходим в страх Божий, начало добродетелей, сим вооружается душа».

Против этих идей выступил Иосиф Волоцкий в своем знаменитом произведении «Просветитель», где он цитирует более сорока отцов церкви. Последние главы посвящены тому, какие меры принять против так называемых

«еретиков»; Волоцкий требовал суровейшего закона — сжигать их заживо как врагов христианства.

У реформационного движения нашлись неожиданные защитники из самой монашеской среды. Все эти споры и инакомыслия вылились в судьбоносный собор 1504 года, решения которого сделали реформацию в России невозможной. Какие именно противоборствующие силы встретились на соборе и каковы были его решения — об этом речь пойдет ниже.